

Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, С. Ю. Пужаева
(НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва,
ИРЯ РАН — ИЯз РАН — МГУ, Москва, НИУ ВШЭ, Москва)

«Об этом рано говорить...»*

1. Вводные замечания

На фоне общего интереса к дискурсу и организующей его дискурсивной лексике внимание привлекают слова и особенно конструкции, которые «стандартизуют» отношения говорящего и слушающего в процессе конкретного речевого акта. Речь идет о своего рода устойчивых «дискурсивных формулах» (разновидности *коммуникативов*, в терминологии И. А. Шаронова [Шаронов 1996]), которые используются говорящим в условиях конкретных речевых актов как маркеры реакций определенного типа на фиксированные дискурсивные стимулы: предложения, запреты, советы, утешения и проч. Ср.: *да ну тебя, вон оно что, что ты / чего ты, ну и ну, тоже мне, какое там, туда же* и под. Для нас важна прежде всего некомпозициональность такого рода конструкций: многие из них представляют результат существенной грамматикализации или лексикализации [Lehmann 1982; 2004; Норрег, Трауготт 1993] и семантически далеко отстоят от своего источника. Понятно, что этот эффект возникает за счет исходной высокой частотности [Вубее 2003; 2007] — и самой формы конструкции, и входящих в нее лексических единиц. Поэтому в только что приведенных примерах так много местоимений и частиц, да и сами они выступают в роли своего рода сложных дискурсивных частиц. Однако это

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах».

не всегда так. С теоретической точки зрения большой интерес представляют формулы, основой которых является частотная полнозначная лексика (в том числе любимые Виктором Самуиловичем глаголы), которая облечена в коммуникативно значимую (и поэтому тоже частотную) грамматическую форму — как, например, тоже любимые Виктором Самуиловичем императивы и прохитивитивы.

Тема этой заметки — две структурно почти тождественные прохитивитивные формулы с глаголами говорения — *не скажи(те)* и *не говори(те)*, имеющие в современном русском языке фактически противоположное друг другу значение.

См. следующие примеры из НКРЯ:

- (1) *Деревня — она и есть деревня. — Не скажи,* — возражает Дмитрий Павлович. [Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)]
- (2) — *Ну и везет же тебе. — Не скажи,* — возразила Алиса. — *Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом? — Нет,* — улыбнулся Полосков. [Кир Булычев. *Девочка с Земли* (1971)]
- (3) *Печальная у тебя история, жалко отца. — Ой, не говорите! Такой был человек! На глазах Олеси быстро и легко появились слезы.* [Алексей Слаповский. *Любовь по-нашему // «Знамя», 2003*]
- (4) [Мария, она же Фея счастья] *И океан опять поднялся!* [Марта] *Вчера уровень был шесть восемьдесят.* [Мария, она же Фея счастья] *Не говори! Бедная Австралия!* [М. М. Рошин. *Галоши счастья* (1977–1979)]

Легко видеть, что *не скажи* (в первых двух примерах) выражает несогласие с собеседником и, в общем, синонимично ‘нет’ (в частности, в обоих предложениях этот маркер вводится глаголом *возразить*), тогда как *не говори*, напротив, выражает одобрение и поддержку сказанного и синонимично эмфатическому ‘да’¹. Косвенным подтверждением

---

¹ Интересно, что МАС отражает этот тип связанных употреблений только для *говорить*, но не для *сказать*: «**И не говори(те)!** — выражает уверенность в полном согласии с говорящим: да, конечно» [МАС 1999].

этому служит естественность *не говори* в контексте усилительной частицы *и*², а *не скажи* — в контексте частицы *ну*, смягчающей отрицание (как в *ну, не знаю* или *ну, не совсем так, как ты говоришь*), но не наоборот, ср. (5–8):

- (5) *Всё по совести. — И (*ну,) не говори, Марья, — согласилась та. — Как есть, так и сказал.* [Александр Силаев. Армия Гутэн-така (2007)]
- (6) *Лета не было, теперь, может, хоть бабье настанет... Водитель. И (*ну,) не говори... Я вообще такого лета не помню.* [Евгений Гришковец. Город (2001)]
- (7) — *Старенький я стал — не то что раньше! — Ну, (*и) не скажи! Умотал меня, аж болит все!* [Андрей Житков. Кафедра (2000)]
- (8) *Неплохая вышла мыльная опера... — Ну, (?и) не скажи. Мы не учли законов жанра — злодейки травят всяких хаврошечек куда радикальнее.* [Дарья Симонова. Шанкр (2002)]

Таким образом, синхронно ни тот, ни другой маркер непосредственно не связан с простой запретительной семантикой ‘не + говорить / сказать + IMP’. В этом отношении интересна их история — а она разная.

2. История *не говори*

Изолированное *не говори*, без объекта, адресата и обстоятельств, как свидетельствует НКРЯ, употреблялось в современном значении маркера согласия уже как минимум в первой половине XIX в., причем в той же функции подтверждения оценки или мнения, как в современных примерах (4–6):

² Ср. ее толкование и характерный пример ее употребления по МАС: «Употребляется для усиления значения слова, перед которым стоит, для выделения, подчеркивания его. — *И какая же ты стала слезливая, — сердито сказал Тимофей Ильич (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды)*» [МАС 1999].

- (9) Влонский. *Вот истинно трагическое приключение! Княжна. О, не говорите!.. Ужасно!.. Боже мой, какая смерть!..* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)]
 ≈ ‘вам не нужно говорить, я согласна, что ситуация была трагической, и подтверждаю это’.

Правда, сейчас такая интерпретация изолированного (*и*) *не говори* — единственная возможность. В XIX в. выбор был гораздо богаче.

Во-первых, *не говори* можно было понять буквально, как запрет адресату говорить:

- (10) — ...вы не знаете, как я страдаю... одна мысль быть подле вас, жить вечно с вами приводит меня... О! вы не понимаете...
 — **Не говорите, не говорите!** — кричала она, зажимая уши. — Боже мой! что вы, что вы? [И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842)]

Сейчас такие примеры выглядят мало естественно, особенно с частицей *и*, как в (11), и в корпусе не встречаются: в современном русском правильно в этом контексте сказать не *Не говори(те)!*, а *Замолчи(те)!* или *Перестань(те)!*

- (11) Шпундик. *Мы с удовольствием, только, право...*
 Мошкин. **И не говори!** *Слушать ничего не хочу!* [И. С. Тургенев. Холостяк (1849)]

Преимущественной областью *Не говорите!* по сравнению с *Молчите!* были и остаются случаи эллипсиса содержания: (анафорические) запреты на передачу информации третьему лицу:

- (12) *Прикажешь ей объявить о твоей радости?...* — *Нет, пожалуйста, не говори...(?молчи) Я хочу ее удивить...* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Во-вторых, сузились контексты употребления *не говори* и как маркера согласия. Например, (13), где оценка вводится очень косвенно, а *не говорите* оказывается реакцией на вопрос, сейчас уже выглядит устаревшим:

- (13) *Вы в наши края, поди, опять — с раскольниками воевать пожеловали?* — *Ах, уж и не говорите!* — *сокрушался, краснея,*

молодой чиновник. — Такие все гнусные дела поручают. Душа от них разлагается! [А. В. Амфитеатров. Княжна (1889–1895)]

Интересно, что на протяжении XIX в. и даже позже, особенно в диалектах, (*и не говори*) употребляется в том числе как возражение, а не согласие — и следовательно, как синоним к *не скажи*. В (14) этот эффект выдает неожиданная сочетаемость *не говори* с *нет*, а в (15) — с, как мы помним, нехарактерным для него *ну*:

(14) *Все мужчины кругом столпились, глядят... — Ну, есть на что! Знаменитая в то время танцовщица. — Нет, не говорите! это большое, большое счастье иметь такую прелестную дочь! Вот на мою Феничку не заглядятся — я могу быть спокойна в этом отношении!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)]

(15) *Не то помрешь — и помянуть некому будет. — Ноне и поминать-то негде. Церкву развалили, и бог, зная, улетел от нас, — сказала Авдотья. — Ну не говорите! Бог в нас самих, — поднял палец старичок. — Ибо сказано: бог — наше терпенье.* [Борис Можяев. Живой (1964–1965)]

Примеров *не говори* как согласия в корпусе XIX в. не так уж мало. Они свидетельствуют о быстром (150–200 лет) развитии энантиосемии [Шмелев 2009] в этих контекстах, однако исходное и более прозрачное значение возражения-отрицания оказывается не всегда заметно, ср. (16):

(16) *Кто выучил ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства. — Душенька! она статуя и бледна как смерть. — Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно. — Ах, что это вы, Анна Григорьевна: она мел, мел, чистейший мел. — Милая, я сидела возле нее: румянец в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками.* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

На первый взгляд кажется, что перед нами типичный контекст употребления *не говори* при согласии с собеседником. Однако мы видим, что здесь *не говорите* является, скорее, возражением, которое тут же

поясняется: *румянится безбожно*: это утверждение прямо противоположно тому, что было сказано раньше собеседницей: ‘она не румяная’ — она... *бледна как смерть*.

С лингвистической точки зрения любопытен следующий вопрос: верно ли, что в исторических контекстах, в которых для *не говори* еще не произошел сдвиг от исходного отрицательного значения к значению согласия, *не говори* синонимично *не скажи*? Другими словами, называется ли в этом случае на их значениях разница в аспекте? В этом отношении интересны естественные для XIX в. контексты *не говори* в «отрицательном» кванторном значении ‘не зарекайся’, то есть ‘не отказывайся / не отрицай данную возможность раз и навсегда в будущем, потому что это может потом осуществиться’, как в (17):

- (17) *Не беспокойся: меня не женят. — Не говори, душа моя!* (= ‘не зарекайся, не будь так уверен, что это событие не произойдет — все еще может случиться’) *Скука, одиночество удивительно изменяют идеи.* [М. В. Авдеев. Тамарин (1851)]

Такие кванторные контексты легко принимают значение императива НСВ *не говори*, но точечное значение СВ в *не скажи* с ними не сочетается, так что, если произвести соответствующую замену, смысл ‘не зарекайся’ полностью исчезает.

Перелом в употреблении *не говори* (и переход от значения возражения к значению согласия) начинается, по всей видимости, уже в 60-е гг. XIX в. и продолжается вплоть до начала XX в. В это время встречаются употребления размытой семантики — то ли возражение, то ли согласие, как (18):

- (18) — *Так что же? У нас все хорошо, разве что в других отделениях... Это его успокоило, но не совсем. — Ох, не говорите! Что у нас хорошего-то? Ах, пропал я! Где Кириллов?* [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]

В 80-е гг. конструкция может употребляться в контекстах с противоположным значением — и (еще) как возражение (19), и как согласие (20):

- (19) *Один только кассир, толстенький, водяночный человек, отнесся к делу посущественней. — А вы, Прокл Львович, — сказал*

он, — *попробуйте полечить его. — Запой никаким чертом не вылечишь!* — **Не говорите-с.** *Наш парикмахер превосходно от запоя лечит. У него весь город лечится.* [А. П. Чехов. Средство от запоя (1885–1886)]

- (20) — *Шла я из рядов, — говорит чиновница, — что народу-то там, около приему-то... — Ох, не говори!.. — искренно соболезнует Семениха* [Г. И. Успенский. Из цикла «Очерки переходного времени» (1889)]

Окончательное закрепление за *не говори* значения полного согласия со словами собеседника, по всей видимости, происходит в 20-х гг. XX столетия, оно отражено в основных толковых словарях [БАС 1950–1964; БТС 2004; МАС 1999] и хорошо представлено в устном корпусе НКРЯ, ср., например, (21–22):

- (21) *Говорят что заболела. Наконец-то хоть один английский пропал! / **Не говори.** И хоть домашку делать не надо будет. / Это сейчас только / а вот придет / задаст нам заданий двести и точно с ума сойдешь.* [Микродиалоги // Из материалов Ульяновского университета, 2007]
- (22) [№ 1, жен, 18] *И как / все сдала?* [№ 2, жен, 19] *Да.* [№ 1, жен, 18] *Прямо такое облегчение / когда все сдано.* [№ 2, жен, 19] *Да **не говори!*** [смех] [О сессии // Из материалов Ульяновского университета, 2007]

3. История не скажи

Как современный маркер несогласия, *не скажи* начинает встречаться в корпусе чуть позже, чем *не говори* — в 60-е гг. XIX в., которые принесли в литературу разговорный язык разночинцев и купечества:

- (23) — *Образование, я думаю, не портит ничего этого, — проговорил Бакланов. — О, нет! **Не скажите!** — воскликнул Нетопоренко. — Из наук, конечно, история вот... Я сам любил ее в молодости...* [А. Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)]

Исторически он восходит к старому императиву, который когда-то допускал совершенный вид под отрицанием и в обычном (непревентивном) значении³, как в *не убий* = ‘не убивай’, и который еще сохранился в то время в церковном узусе, ср. (24–25):

- (24) *Но как, де, можно обществу услуги свои оказать? {...} Иногда можешь ты услугу свою оказать благоразумным советом... и другими многими способами... **Не скажи** (= современное: **не говори**), что сие дело правительства. Подлинно оно есть Его собственное. [Архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю пятую Великаго Поста (1780)]*
- (25) *Если брат сварит пищу, и сварит ее не довольно хорошо: то **не скажи** (= современное: **не говори**), что он сварил худо. Таким отзывом нанесешь вред душе твоей. [Епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]*

В частотном фразеологизованном контексте старая форма сохранилась до наших дней. Однако тогда это был достаточно живой императив: об этом свидетельствуют довольно широко распространенные вплоть до XX в. контексты с выраженным (правда, обычно только анафорическим местоимением *это*, причем в генитиве⁴) объектом.

- (26) *В чиновники не пойду; работать стану. — Ну, брат, **этого не скажи!** Ты работать не можешь. [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]*
- (27) *— Да ведь всякое дело есть в то же время и свое собственное... — Ну, нет, **этого не скажите!** [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонское «дело» (1883)]*

³ Подробнее об истории видовых противопоставлений в императиве см., в частности, [Vertmel 1997]; ср. также [Бенаккио 2010].

⁴ Как известно, генитив соотносится со старой нормой оформления объекта под отрицанием — новой нормой, постепенно, с XIX в., вытесняющей генитив, является аккузатив. В единственном нашем позднем примере (1959), как и следовало ожидать, местоимение стоит в аккузативе: *Матросский харч завсегда хороший, — сказал Минька. — Ну, **это не скажи**... Как где. Это от капитана зависимо* [Валентина Осеева. Динка (1959)].

- (28) *Я заметил Чехову, что в тридцать лет не так-то легко себя переделать, и что он, как врач по профессии, находится в этом отношении в более благоприятных условиях. — Ну, этого не скажите, — проговорил Чехов, задумчиво пощипывая свою бородку. — Мне медицина, напротив, скорей мешает предаваться вольному искусству...* [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове (1904–1911)]

В таком виде маркер несогласия выглядит семантически значительно более прозрачным, чем сейчас: ‘не скажи (= не говори) этого [того, что сказал]’, <+ импликатура: ‘потому что я с этим не согласен’>. Внешне, в особенности рядом с поверхностно выраженным объектом, эта конструкция кажется похожей на совершенно простую на первый взгляд *не говори так*⁵ — но это только иллюзия. *Не говори так*, конечно, менее грамматикализовано, чем *не скажи*, но тоже некомпозиционно: в этой конструкции всегда, с середины XIX в. и до сих пор, есть компонент пугающей, эмоционально травматичной для адресата информации и такого же способа ее подачи: говорить *так* — значит говорить не легкомысленно, не грубо, не вульгарно, а именно жестоко, причиняя боль и страх:

- (29) *Ах, не говори так, Андрей: мне страшно и больно слушать! Мне и хотелось бы, и боюсь знать... Она готова была заплакать.* [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]
- (30) *«Не нужно!.. Не говори так!» Слезы подступили к глазам, он их уже ощущал в углях, и губы вздрагивали...* [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]
- (31) — *Не говори так, ненаглядный мой, это жестоко. Что бы и как бы ни произошло, ты нужен здесь.* [Игорь Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001]

⁵ Обратим внимание на сербское *не говори тако*, которое, согласно данным параллельного корпуса НКРЯ, может служить прямым переводом *не скажи* в нашем значении — а не формально соответствующего ему *не говори так*.

4. Вместо заключения

Дискурсивные формулы представляют бесспорный интерес с теоретической точки зрения. Их подробное описание требует глубокого исторического экскурса и тщательного анализа контекстов употребления, включая их прагматические характеристики. Пока мы можем в определенной степени объяснить семантические особенности такого рода конструкций — но не предсказать имплицатуры, которые с ними связаны. В частности, неясно, случайно ли в русском языке *не говори* оказался маркером согласия, а *не скажи* — несогласия.

Однако есть и сугубо практическая сторона дела, которая непосредственно связана с проблемой дискурсивных формул: это их перевод.

Согласно русско-английскому фразеологическому словарю С. И. Лубенской [Лубенская 1997] идиоматичному (*и не говори(те)*) соответствуют английские *you can say that again, I'll say, that's for sure!, you bet, no argument there*. Однако анализ материала параллельных корпусов НКРЯ показал, что хорошие переводчики не соблюдают этих соответствий и, на первый взгляд безо всяких видимых оснований, вставляют наши маркеры в свой текст, как в (32–33):

- (32) «Nice?» Floyd asked. «**Oh, Jesus!**» said Al. «If I could of tore her down, why- I'd a give- anythin'». [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)] — Хороша? — спросил Флойд. — **Ой, не говори!** Разобрать бы ее по винтику... да я бы все за это отдал! [Джон Стейнбек. Гроздь гнева (Н. Волжина, 1940)]
- (33) «You've got the world here all right», Bill said to Madame Lecomte. She raised her hand. «**Oh, my God!**» «You'll be rich». [Ernest Hemingway. The Sun Also Rises (1926)]
У вас просто не протолкнешься, — сказал Билл мадам Леконт. Она подняла руку. — **И не говорите!** — Разбогатеете. [Эрнест Хемингуэй. Фиеста (И восходит солнце) (В. Топер, 1935)]

На самом деле они правы: по контексту в обоих случаях требуется именно согласие, а не сугубо эмоциональное, причем семантически слишком размытое *О боже мой!*, способное выражать почти весь

спектр оценок и эмоций — как раз за исключением поддержки говорящего (ср. в том же контексте: — *Хороша?* — ?? *О боже мой!*).

В этом отношении всегда интересны параллельные тексты Набокова, представляющие автопереводы (с участием Дмитрия Набокова), причем в обратном направлении: с русского на английский, как (34):

(34) — *Ох, друг мой, и не говорите*, — *вздыхнул адвокат*. [В. В. Набоков. Приглашение на казнь (1935)]

«Oh, my friend, you are so right», sighed the lawyer. [Vladimir Nabokov. Invitation to a beheading (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1959)]

Как видим, и здесь выбрана иная стратегия, чем предлагает Лубенская: никакой специальной идиоматики, стандартный перевод значения согласия: ‘я согласен / вы правы’ = *you are right*.

Данные параллельного корпуса свидетельствуют о том, что перевод наших единиц — дело непростое: оно часто заканчивается неудачей. Стандартным английским переводом *не говори*, согласно НКРЯ, как правило, оказывается *don't speak of it*. Лубенская его не предлагает как эквивалент — и понятно почему: *don't speak of it* используется слишком широко — и в контекстах, соответствующих *сделайте одолжение*, и для, как мы уже говорили, совсем далекого от *не говори* *не говори(те) об этом* (35), и даже для *не к ночи будь помянут* (36). Поэтому *don't speak of it* как эквивалент *не говори* в (37) кажется совершенно не подходящим.

(35) *Ну вот! — с отвращением отпарировал Свидригайлов, — сделайте одолжение, не говорите об этом*, — *прибавил он поспешно и даже без всякого фанфаронства, которое выказывалось во всех прежних его словах*. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

«Oh, come!» Svidrigailov parried with disgust. «Please don't speak of it», he added hurriedly and with none of the bragging tone he had shown in all the previous conversation. [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

(36) *Удивляюсь, как эта наша alma mater, не к ночи будь помянута, решается показывать публике таких балбесов и патентованных тупиц, как этот ZZ*. [А. П. Чехов. Скучная история (1889)]

I wonder how it is our alma mater — don't speak of it after dark — dare display in public such noodles and patent dullards as that ZZ. [Anton Chekhov. A Dreary Story (Constance Garnett, 1900–1930)]

- (37) — *Не нам судить, графиня, — со вздохом сказал Сергей Иванович, — но я понимаю, как для вас это было тяжело. — Ах, не говорите! Я жила у себя в именье, и он был у меня.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

«It's not for us to judge, countess», said Sergey Ivanovitch; «but I can understand that it has been very hard for you». «Ah, don't speak of it! I was staying on my estate, and he was with me». [Leo Tolstoy. Anna Karenina (parts 5–8) (Constance Garnett, 1911)]

Нет полноправных некомпозиционных аналогов в английском языке и для *не скажи*. [Лубенская 1997] идет здесь по пути Набокова и в качестве переводов предлагает *I don't know about that, I'm not sure, I wouldn't be so sure, I wouldn't say that*.

Что касается представленных в корпусе переводов, то здесь можно отметить *don't say that* (см. 38), который по структуре очень похож на только что разобранный *don't speak of it* (отличие между ними состоит, собственно, только в кратности / процессуальности и призвано, видимо, отражать видовое противопоставление между *сказать* и *говорить*). На самом деле, по-видимому, оба они ближе к русскому *не говори так*, о котором мы говорили чуть выше, оба имеют оценочный шлейф и имеют мало общего с нашими маркерами. Косвенным свидетельством здесь может быть автоперевод Набокова (39), в котором собеседник с помощью *don't say that* не столько высказывает несогласие с сутью сказанного говорящим, сколько отвергает его форму, явно выражая осуждение. Сам речевой акт оказывается неудачным и прерывается собеседником: *don't say that* — прекрасный аналог русского *замолчи* — или, в более мягком варианте, как (40), *зачем вы так?*

- (38) — *Не скажете!* — пропела Самоцветик. — *Вы ведь не знаете, какие стихи я пишу.* [Н. Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)]

«Don't say that», murmured Blossom. «You don't know what pretty poems I write. Would you like me to recite one of them to you?» [Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]

- (39) «Некоторых вещей ты никогда не поймешь». «**Перестань!**». [В. В. Набоков. Дар (1935–1937)]
 «*There are some things you'll never understand*». «**Don't say that**». [Vladimir Nabokov. The Gift (Michael Scammel, Vladimir Nabokov, 1962)]
- (40) С. *Oh, you're right. As per usual. M. Don't say that! (I put down my knitting and closed my eyes.)* [John Fowles. The Collector (1963)]
 К. *Да правы вы, правы. А как же. Вы ж всегда во всем правы. М. Зачем вы так? (Я отложила вязанье и глаза закрыла.)* [Джон Фаулз. Коллекционер (И. Бессмертная, 1991)]

Французские переводы, представленные в корпусе, несколько тоньше и последовательнее. Как и Набоковы, переводчики ищут непосредственное смысловое соответствие дискурсивной формулы, полностью игнорируя ее внутреннюю форму; так, например, фрагмент Булгакова (41) на французский переведен безо всякой апелляции к глаголам говорения (как это и должно быть по смыслу). Так же построены и два фрагмента переводов Гроссмана (42 и 43):

- (41) *Нет, Григорий Данилович, не скажи, это очень тонкий шаг. Тут вся соль в разоблачении.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)]
 — *Tu as tort, Grigori Danilovitch!* [букв. ‘Ты ошибаешься, Григорий Данилович!'] *Il y a là un calcul extrêmement subtil. Tout le sel de la chose, c'est qu'il révèle ses secrets.* [Mikhaïl Boulgakov. Le Maître et Marguerite (Claude Ligny, 1967)]
 Ср. английский перевод: «*No, Grigory Danilovich, don't say so! This is a very subtle step*». [Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1997)]
- (42) — *Ну, не скажите,* — *проговорил бригадный комиссар Осинов.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1959)] [омонимия не снята]
 — *Je n'en suis pas si sûr* [букв. ‘Я не уверен’], *remarqu* *le commissaire de brigade Ossipov.* [Vassili Grossman. Vie et destin (Alexis Berelowitch, 1980)]

- (43) — *Если так рассуждать, — сказал Соколов, — то вообще вся литература девятнадцатого века не лезет. — Ну, не скажи, — проговорил Мадьяров. — Вот Толстой опозтезировал идею народной войны, а государство сейчас возглавило народную справедливую войну.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1959)]

A raisonner ainsi, rien dans la littérature du XIXe siècle ne peut trouver place chez nous. Pas d'accord [букв. 'не согласен'], *laissa tomber Madiarov. Tolstoï, par exemple, a chanté l'idée de la guerre populaire; l'État est à la tête d'une guerre populaire juste.* [Vassili Grossman. Vie et destin (Alexis Berelowitch, 1980)]

Если посмотреть переводы этой фразы в многоязычном корпусе НКРЯ, становится очевидно, что необходимо локальное типологическое исследование, которое бы, исправив буквализмы, разделило языки на богатые специальными и идиоматичными дискурсивными средствами и более прозрачные в этом отношении.

Однако — «Об этом рано говорить». *Об этом рано говорить. Об этом говорить не рано*⁶.

Литература

- Бенаккио 2010 — *Бенаккио Р.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München: Sagner, 2010.
- БАС 1950–1964 — *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* М.: Изд-во АН СССР, 1950–1964.
- БТС 2004 — *Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов.* (РАН, Ин-т лингвистич. исследований.) СПб.: Норинт, 2004.
- Лубенская 1997 — *Лубенская С. И.* Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.
- МАС 1999 — *Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.* (РАН, Ин-т лингвистич. исследований.) 4-е изд., стер. М.: Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. (URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/>)
- Шаронов 1996 — *Шаронов И. А.* Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–112.

⁶ Из стихотворения С. Гандлевского «Есть горожанин на природе».

- Шмелев 2009 — *Шмелев А. Д.* «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 173–202.
- Bermel 1997 — *Bermel N.* Context and the lexicon in the development of Russian aspect. University of California Press, 1997.
- Bybee 2003 — *Bybee J.* Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // *The Handbook of Historical Linguistics* / Ed. by B. D. Joseph, R. D. Janda. Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Bybee 2007 — *Bybee J.* Frequency of use and the organization of language. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Hopper, Traugott 1993 — *Hopper P. J., Traugott E. C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. [2nd ed.: 2003]
- Lehmann 1982 — *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch. München; Newcastle: Lincom Europa, 1982. [2nd rev. ed.: Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002].
- Lehmann 2004 — *Lehmann Ch.* Theory and method in grammaticalization // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2004. 32 (2). S. 152–187.